

ВАЛЕНТИНА СТЕШЕНКО-КУФТИНА

ИЗ ДНЕВНИКА

Москва, 10 марта 1925 г.

В Москве живу уже 2 недели. Приехали с Лятошинским издавать его вещи, потом по частным домам у Блюменфельда¹, Глиэра², Ламма. Познакомилась с Мясковским, Гедике, Фейнбергом и другими музыкантами. Увидели и побывали в самом ядре московской музыкальной жизни. Хвалили мое исполнение. Оценили, кажется, беспристрастно. Сначала ужасно потянуло к этой жизни, издали казалось, что там неисчерпаемые глубины, что там все, ищущие много, а как посмотришь трезво, объективно – и там нет ярких пятен, и там сами эти люди, кажущиеся такими богатыми внутренне, такими заполненными, эти люди тоже не обрели того, заполнение которым до краев наполнило [бы] их жизнь. Чего люди ищут? Истины? Разгадки? Для чего я живу? Ужасно странно и ничего не хочется, только бы никто не прикасался, никто не говорил. Так, в тишине, в молчании, в красоте, в тихом, отдаленном звучании, вот в такой разлитой благоуханности прожить, тихо, тихо и красиво. Господи, мне сейчас очень тяжело. Я совсем одна, здесь, в Москве. Я сижу и пишу на подоконнике, а за окном снег мягкими хлопьями падает и так стелется по крышам. В комнате бестолочь ужасная, и праздно все, ничего люди не делают, и устают от лени. Книги никогда не бывает в руках. Мысль, видно, никогда не направлена к духовным запросам. Мужчины, покорение мужчин, выдумывание разных способов последнего, полировка ногтей, вот все, что интересует в жизни, и в общем у них же страшная неудовлетворенность, скука, и жаль, ну, почему в другую сторону жизни не заглянуть, видно, тоже лень?! Я вот осуждаю, а сама... Только всё это не то, где же то, Господи? Здесь, в Москве, я как-то сама овнешнилась, живу с людьми, и быть самой собой нельзя, надо подмаскироваться под общий тон. Может

---

¹ Смотри страницу 204 данного издания.

² Смотри страницу 310 данного издания

быть, я дам здесь свой концерт, это ещё не выяснено из-за технических трудностей организации. Борис Николаевич посвятил мне свою сонату. В его отношении ко мне появился странный новый оттенок. Хотя это не ново и не странно. Возможность такого отношения я предчувствовала еще давно. Здесь, в Москве, мы очень сблизились, и я разглядела его как человека. Я хочу летом проанализировать все, что произошло за этот год. Целый калейдоскоп людей, так близко подошедших ко мне, так много даривших мне самых ценных сокровищ человеческой души. <...>

А вот, недавно, по дороге в Москву, в пути я и Борис Николаевич. Сначала едем просто, шутим, осматриваем новые лица спутников, едем полные надежд на Москву, которая кажется чем-то большим, решающим. Признают ли там, в Москве? Долго говорили, потом укладывались спать, тоже перебрасываясь шутками. Утром я читаю, он проверяет свои ноты, тщательно подчищая ножиком лишние диезы, бемоли. Другая ночь в пути. В вагоне все спят. Мы долго сидим молча. Потом, тихо, тихо Б. Н. берёт мою руку, гладит нежно и едва касаясь. «Какая бархатная, какая беленькая ручка и какая могучая лапка», – говорит он, сам стыдясь прорвавшихся слов. Потом он говорит, что живет не так, как хочет, что жизнь его без всяких красок и всё просто и смешно как самовар. Говорит какую-то легенду или рассказ (я уже не помню) о том, что какой-то художник, или рыцарь, ждал всю жизнь кого-то, и когда этажданная пришла, он взял её и на другой день сошел с ума. «Стоит сойти с ума, лишь бы только пришла», – опять говорит Б. Н., я все время молчу, но рук своих не отнимаю, они покорно лежат в руках Б. Н. и ярко очерчиваются на его черном костюме и смуглых руках. «Вот так бы ехать всё время». Временами мне как-то неловко за него, это человек, который в жизни всегда саркастично говорит о проявлении чувств человеческих и вдруг сам подтаял и самому стыдно тех слов, того молчания, которое договаривает мелькавшее в словах.

Он написал сонату, которая вся насыщена одним образом женщины, портрет которой он увидал в одном из ста-

ринных альбомов. Вторая часть – есть появление этого образа, который дальше борется с фатумом, который разбивает эту женщину-грёзу, и всё застывает в тихом исступленном крике. Портрет этой женщины простой, в средневековом стиле, в темнозеленом платье. Вот и всё. Простое, вдумчивое лицо, и очень женственное. Б. Н. сильно, до боли сжимает мне руки и внезапно говорит глухо: «Так бы сжал, так бы сжал, задушил бы». Потом долго молчим. Я засыпаю, и руки Б. Н. не выпускает, только временами прижимает к себе...

Утро, неприятная реальность всех окружающих вещей. Еще 3 часа и мы в Москве. Говорим усиленно о внешнем, стараясь ни одним намёком не напомнить вечера, ночи. На вокзале опять шутим, играем в «малюточка, утри нос...». С этого часа Б. Н. называет меня «малюточка»... В Москве отношения сближаются, так как Б. Н. каждый день заходит ко мне и мы отправляемся куда-нибудь. Соната принята с большим успехом. Его это радует, он считает себя обязанным только мне. В Москве всюду вместе. Несколько раз вечерами заходили в ресторан к Филиппову¹: блеск, огни, пальмы, шикарные туалеты, оркестр, играющий какие-то вальсы, всё это странно действовало, мы смеялись и казались легкомысленными. Каждый вечер вместе гуляли. Были всюду: у Глиэра, Блюменфельда, в концертах, театре. В последний вечер, поставивши точку московской эпопее у Филиппова, гуляли, от угла к углу. Б. Н. был грустный ужасно, и всё говорил, что ему будет очень тяжело без малюточки. Когда прощались, Б. Н. несколько раз поцеловал мне ладони обеих рук, говоря, что целует там, где никто не целовал... Было тяжело, у меня же чувство тяжести было перемешано с чем-то неприятным и с чувством жалости. Да, вот как! Через два дня я получила письмо от Б. Н., посланное по дороге в Киев, на станции Брянск. Письмо тёплое, еле сдержанное, любящее...

---

¹ Вероятно, речь идет о ресторане на Тверской, 10 Дмитрия Ивановича Филиппова, представителя московской купеческой династии основателей знаменитого хлебопекарного производства (прим. – Е. С.).